

Щёлк.

Чётки Го Ёхана наконец умолкли.

Но даже в молчании он умудрялся забираться ко мне в голову и копаться в мыслях, выворачивая их наизнанку. Я выдохнул и схватился за голову, пытаюсь унять пульсирующую боль.

И снова воспоминания того времени нахлынули липкой, тягучей волной.

Я подавил их усилием воли и заговорил.

— Ты сам меня вышвырнул. Так какого чёрта я должен теперь перед тобой на задних лапках ходить? Этого ты добиваешься?

— Это...

Конечно. Такой болтливый, как Го Ёхан, ни за что бы не заткнулся. Но я и не мог заткнуть уши. То время? Всё моё существо, каждая клеточка моего любопытства впиалась в него. Чувства мои искали только Го Ёхана.

— Ты первый повёл себя как безрассудный идиот.

— ...Что?

— Я иногда думал: ты просто играешь со мной? Или я был лишь вырезанным статистом в фильме под названием «Хороший мальчик Кан Джун»?

— Ах ты...

— Похоже, ты всё неправильно понял.

Го Ёхан ткнул пальцем себе в грудь и мягко улыбнулся. Улыбкой, которую я не видел уже целую вечность.

— Это я был сверху.

Я был настолько ошеломлён, что потерял дар речи. Такой ответ даже не приходил мне в голову.

Го Ёхан провёл рукой, которая только что касалась моего лба, по собственной шее, обнажая бледную, беззащитную линию горла.

И как последний идиот, мой взгляд бездумно проследовал за этим движением.

Боже, хоть бы он сдох.

К счастью, он был слишком погружён в свои мысли, чтобы заметить, куда я пялюсь. Голос его звучал низко и глухо.

— И я, знаешь ли, терпеть не могу, когда меня назначают на роль второго плана.

Жар ударил в лицо.

Я вцепился в первый попавшийся предмет и сжал его так, что побелели костяшки.

— И это оправдывает то, что ты сделал?

— Ну...

Го Ёхан слегка склонил голову набок. Его взгляд метнулся вверх, словно оценивая мою реакцию, но в итоге ему было просто плевать. Наплевать с высокой колокольни.

Я был слишком потрясён, чтобы даже ответить.

На лице Го Ёхана одновременно отражались вина и наглая, беспардонная самоуверенность.

Он, наверное, чувствовал себя виноватым.

Но ему было на это настолько наплевать, что я готов был лезть на стену от бессильной злобы.

— Честно говоря, я ещё легко с тобой обошёлся.

— ...

— Ты знаешь, что я делаю с теми, кого действительно ненавижу? Так подумай. Ты должен знать.

Тонкая, хищная усмешка растянула его губы.

— Нет, правда не знаю...

Я ответил честно.

Потому что я действительно не знал, что Го Ёхан делал с теми, кого ненавидел.

На словах он был резок, да. Но я никогда не видел, чтобы он открыто, со злобной, садистской радостью издевался над кем-то.

Чёрт, да я даже не знал, способен ли он вообще на ненависть.

На первом курсе я на него и внимания не обращал.

Но когда я это сказал, выражение лица Го Ёхана изменилось, всего на долю секунды, на неуловимую тень.

— Врёшь.

Насмешка исказила его черты.

Мимолётное, почти призрачное движение.

— Ты не можешь не знать, Джун.

— ...Почему?

«Джун».

Он снова назвал меня по имени, без фамилии.

Эта его манера переключаться туда-сюда, с «Кан Джуна» на «Джуна», бесила до скрежета зубовного.

Я правда не понимал.

Что, чёрт возьми, творится у него в голове?

Почему он так уверен, что я знаю то, чего знать не могу?

Моя реакция, кажется, слегка озадачила Го Ёхана.

И я, словно хищник, почуявший слабинку жертвы, вцепился в эту перемену.

Колебание в его глазах, эта едва уловимая неуверенность только разожгли мою одержимость ответом.

— Почему ты думаешь, что я должен знать?

— Ты ещё спрашиваешь?

— Спрашиваю. Потому что я не знаю. Так скажи мне. Почему?

— Потому что ты всегда интересовался только теми, кто наверху. Ты такой человек.

— Я?

Я ткнул себя пальцем в грудь, в самую середину, где бешено колотилось сердце.

— Ты серьёзно считаешь меня таким?

— Ага. Ты просто такой.

Сначала я не понял.

Я нахмурился.

Если серьёзно... может, он и прав. Доля истины в этом была.

Легче держаться поближе к вершине пищевой цепочки. Так жизнь проще, безопаснее.

Но если бы это было правдой, я бы должен был так же подлизываться и к Ким Мин Хо. А я не подлизывался. Даже не пытался.

Я спросил снова, искренне, без злобы, просто желая понять.

— ...Почему ты так думаешь?

— А ты сам как думаешь?

Взгляд Го Ёхана потемнел, стал глубоким, как омут.

— Не притворяйся, что не знаешь.

— Я не притворяюсь.

Го Ёхан, кажется, почувствовал неладное, он приподнял одну бровь, этот его фирменный жест, означающий сомнение.

— Тебе нравился Хан Джун У, потому что он был главным. Вот почему.

— Что?

На секунду мне показалось, что меня ударили обухом по голове.

Это было настолько абсурдно, настолько дико, что я даже не мог среагировать.

Хан Джун У нравился мне, потому что он был главным?

Что за бред?

Хан Джун У всегда олицетворял всё, что я в себе ненавидел. Он был живым воплощением моей никчёмности, моей слабости, моего вечного положения «под».

Просто в какой-то момент, как лихорадочный, болезненный сон, меня затянуло в его орбиту: его внешность, его грёбаная, гипнотическая аура, от которой у меня подкашивались колени.

— Это не так.

— ...Не ври. Это жалко, и я не куплюсь.

— Вру? С чего бы мне врать?

Я продолжал отвечать, говорить, что-то доказывать.

И тут что-то щёлкнуло.

Что-то в этой ситуации, в наших интонациях, в его упорстве, что-то было не так.

Сомнение, похороненное глубоко, под грудой обид и злости, вдруг ожило и рвануло на поверхность.

И инстинктивно, не умом, а нутром, я понял ответ.

Одна-единственная мысль, яркая, как вспышка молнии, озарила всё.

А как только она появилась, добраться до истины было делом нескольких секунд.

— А-а...

Меня накрыло волной эйфории. Сладкой, пьянящей, невозможной.

Не может быть...

А может, и может.

У Го Ёхана было прошлое. И в этом прошлом был я.

Я ему нравился.

В груди, там, где только что kloкотала злоба, расцвело поле ярких, слепящих цветов.

— Ты... не говори мне...

Я ещё даже не услышал его ответа, но не смог сдержаться – смех вырвался наружу.

Я опустил голову, плечи мелко затряслись.

Радость, безумная, иррациональная радость, вскружила голову.

Го Ёхан прищурился, глядя на меня с непередаваемым выражением.

— ...Чего ржёшь?

Я схватился за живот, согнулся пополам, уткнувшись лбом в колючее больничное одеяло, и всё тело моё сотрясалось от беззвучного хохота.

— Эй, ты чего ржёшь?

— А, нет... Прости. Я не специально...

Ох, чёрт. Я не был списанной картой, выброшенной на помойку истории.

Я всё ещё был игральной рукой, которую можно разыграть.

Может ли быть что-то более пьянящее, более животворящее, чем это осознание? Я вытер выступившую слезу тыльной стороной ладони. Поднял голову и посмотрел на стоящего передо мной Го Ёхана. Его лицо, застывшее в напряжённом ожидании, выглядело до абсурда странно. Я подавил смех, прикусил губу. Адреналин, бурлящий в крови, пьянил похлеще любого вина.

Сжав губы, я решил сначала быть честным с Го Ёханом. Хотя бы попытаться.

— Я... восхищался им. Мне нравился Хан Джун У. Но никогда из-за его положения. Мы просто были в одном классе на первом курсе, и, честно говоря, тогда он был... крутым. По-настоящему крутым.

— Не ври.

— Серьёзно. Я таскался за ним ещё до того, как узнал, кто он такой и какое место занимает в школьной иерархии.

Я на мгновение заколебался, прежде чем продолжить. Слова давались с трудом.

— ...Только не воспринимай это слишком серьёзно.

В палате стало невыносимо тихо. Такая звенящая, вакуумная тишина, что я слышал, как ногти Го Ёхана скребут по ткани его брюк. Избегая его взгляда, я уставился на безликие, казённые обои и добавил,

— Если бы я действительно восхищался им только из-за его ранга, то я бы так же бешал за Ким Мин Хо. Тебе не кажется? Но я же не бегал.

Даже тогда, в самые яркие моменты моего наваждения, я ни разу не сказал, что он мне «нравится» в том смысле, в каком это могло бы быть истолковано. Это была моя последняя, отчаянная линия обороны. Осторожно я перевёл взгляд обратно на Го Ёхана.

— ...

Забавно, но Го Ёхан выглядел искренне потрясённым. Его выражение лица меня встревожило.

Какого чёрта? Чего это он так смотрит?

Как дурак, который только что обнаружил, что потерял что-то бесконечно ценное, даже не подозревая, что оно у него было. Почему он так реагирует?

За кого он меня, чёрт возьми, принимает? Неужели я выглядел настолько конченным, настолько расчётливым подонком?

Ради собственного достоинства, ради остатков самоуважения я защищался с яростью загнанного в угол зверя. Я хотел, чтобы он понял: моё почтение к нему, моя тяга к нему не из-за его положения на вершине. И в то же время, где-то в самой глубине души, мне до одури хотелось выглядеть в его глазах хорошо. Чисто. Правильно.

— Так что на первом курсе я даже не знал о твоём существовании. Просто краем уха слышал, что есть какой-то там известный парень в Западном крыле. И всё.

Честно говоря, с самого начала он мне не нравился. Из-за моей собственной, гнилой, разъедающей душу ревности. Но сказать это вслух значило бы признаться в собственной ничтожности. И, хуже того, он мог бы счесть меня отвратительным, мелким, жалким. Так что я промолчал. Это было максимумом, на который я был готов. Пределом моей откровенности.

Го Ёхан не ответил. Он продолжал в том же ритме скрести ногтями по бедру, и этот звук, монотонный и назойливый, действовал мне на нервы. Как ни странно, наблюдение за этим жестом вызывало у меня острую, почти физическую тревогу.

Я напирал, пытаюсь доказать свою правоту, забить её, как гвоздь, в его упрямую голову. Я хотел сделать кристально ясным, что у меня не осталось никаких чувств к Хан Джун У, кроме безразличия. Ради себя самого. Ради собственного жалкого эгоизма.

— Ёхан, ты, кажется, кое-что неправильно понимаешь... Если ты думаешь, что я возненавидел Хан Джун У только потому, что его звёздочка закатилась, его ранг упал, то ты глубоко, просто катастрофически ошибаешься.

Это была правда. Чистая, как слеза. Я сглотнул вязкую слюну и продолжил.

— Мне просто не нравятся люди, которым не нравлюсь я. Это ведь так просто.

С того самого момента, как Хан Джун У, холодно и презрительно, раздавил меня при Хан Тэсане, я больше никогда не испытывал к нему ничего, кроме глухой, липкой ненависти. Сколько ни копайся в себе, ответ был один - пустота.

— Как доказательство, сейчас мне вообще плевать на Хан Джун У. Я даже не знаю, жив ли он, чем дышит, существует ли вообще.

— ...

— Ты бы знал, да? Вы же в одном классе на втором курсе были. Должен знать.

Закончив говорить, я почувствовал странное, почти болезненное удовлетворение. Сидя и молча наблюдая за Го Ёханом, я заметил, что он не отвечает. Он медленно втянул губы, вжал их внутрь, словно пробуя на вкус какую-то горькую мысль.

Прошёл долгий, тягучий, бесконечный момент. Его глаза блуждали где-то в пространстве надо мной, выглядя потерянными, растерянными, почти детскими.

— ...А.

Го Ёхан открыл рот, потом закрыл. Он двигал челюстью так, будто хотел что-то сказать, но не мог подобрать слов. Его длинные пальцы снова заскребли по штанам, оставляя бледные, нервные полосы на идеально выглаженной ткани. Я видел, как побелели костяшки от напряжения.

— Вот оно что.

— Ага.

— Я никогда... не знал, что ты так чувствуешь.

В его голосе слышалась знакомая, дразнящая хрипотца, но он был тише обычного, приглушённое. Этот тихий голос, лишённый привычной насмешки, мгновенно остудил мою разгорячённую голову, словно окатил ледяной водой.

— ...Ну, теперь знаешь.

И тут же меня накрыло запоздалое, острое сожаление. Какого чёрта я так старательно, так подробно всё это разжёвывал? Зачем распинался перед ним?

Чего я пытался добиться? Его одобрения? Его расположения? Я что, совсем рехнулся?

Мимолётная, сладкая надежда, безумие, охватившее мои мысли, пробрали меня до костей ледяной, отрезвляющей дрожью. Кан Джун, ты конченный, безумный идиот. Что ты несёшь? Остановись.

Ты прекрасно знаешь, что бывает, когда позволяешь себе чувствовать к парням что-то большее. Ты уже через это прошёл. Ты уже горел в этом аду.

Безумный, тупой, самоубийственно-глупый идиот.

Я поспешно открыл рот, лихорадочно, отчаянно пытаюсь замаскировать свою ошибку, закопать её поглубже.

— Ага, теперь, когда подумал, я, наверное, тоже много чего о тебе неправильно понимал. Мы ведь только на втором курсе, считай, и начали по-настоящему узнавать друг друга.

Выпалив эти слова, словно пустые, ничего не значащие оправдания, я лихорадочно соображал. Что делать? Как мне, будучи уже однажды выброшенным, выжить в этом кошмаре, пройти через школу без потерь?

Как мне не сделать Го Ёхана врагом, но и не подпускать его слишком близко, не дать ему снова вскружить мне голову? Сейчас страх, липкий и удушливый, давил на меня сильнее, чем когда-либо. Моё будущее, моё жалкое, никчёмное будущее, всё ещё зависело от каждого его движения, от каждого его взгляда.

Го Ёхан медленно закрыл глаза, потом снова открыл. Выражение его лица было всё таким же отстранённым, отсутствующим, он всё ещё где-то там, внутри себя, переваривал услышанное.

О чём, чёрт возьми, он так напряжённо думает? Его пятка слегка оторвалась от пола, качнулась в воздухе и снова опустилась.

Наконец он заговорил. И то, что он сказал, было... странно. До мурашек странно.

— ...Ты правда меня не знал?

Он был так потрясён, так ошарашен самой мыслью о том, что может быть не в центре всеобщего внимания? Словно у него была какая-то странная болезнь, заставлявшая его страдать, если он не чувствовал себя пупом земли.

— Я бы не сказал, что не знал. Конечно, я слышал о «Го Ёхане из Западного крыла». Ты был... ну, ты был знаменит.

Слова прозвучали сухо, с оттенком вынужденной благотворительности. Это говорил не я, это говорила маска Кан Джуна, надетая для выживания.

— Но это всё. Мы ведь даже не разговаривали никогда... Мы в разных корпусах учились, в разных мирах. Так что я просто... забыл о тебе. Поэтому, когда ты в первый раз позвал меня обедать, я подумал, что ты обращаешься к Хан Джун У. Поэтому я сначала так и вылупился на тебя...

— А сейчас?

Голос Го Ёхана, резкий и нетерпеливый, перебил меня на полуслове. Такое чувство, будто он вообще не слушал, будто ему не было никакого дела до того, что я говорю.

Вжих.

Я почти физически слышал, как шестерёнки бешено крутятся в его голове, перемалывая какую-то одному ему ведомую мысль. Он выдавил насмешливый, короткий смешок и постучал пальцами по груди, по тому месту, где билось сердце.

— ...Как думаешь, я тебя ненавижу?

— Я не знаю. Правда не знаю.

Немного подумав, я выбрал нейтральный, безопасный ответ.

— Мы поссорились уже... давно. Очень давно.

Мы больше не ели вместе, не тусовались, даже не входили в одну компанию. Между нами была пустота.

Сказать «не знаю» — значило оставить себе путь к отступлению. Если скажу «да» - сожгу мосты. Если скажу «нет» - сразу же, сию минуту, получу его расположение, его тепло, но потом мне придётся всю жизнь, каждый день, каждую секунду следить за каждым его движением, боясь, что это расположение сменится гневом.

Я выдавил неловкую улыбку и поднял три пальца вверх, словно давал клятву.

— Э-э, так... когда мы поссорились-то? Давно уже, правда? Забыл даже.

— Эй.

— Да, я имею в виду, мы оба тогда наговорили друг другу глупостей, расстроились, но мы же уже вроде как договорились забыть и простить, так что нет смысла сейчас...

— Эй, Кан Джун.

— А?

Пальцы, которые только что выстукивали нервную дробь по груди, упали на колени и сжались в кулак. Огромный, узловатый, с побелевшими костяшками. Под бледной, почти прозрачной кожей вздулись синие вены. Я напрягся, готовясь к удару. Маятник качнулся. В мою сторону.

— Я...

— Что?

— Я просил помириться ещё тогда.

Го Ёхан говорил сквозь стиснутые зубы, челюсть ходила ходуном от напряжения. Его длинные, пушистые ресницы дрогнули, опускаясь вниз, а затем снова поднялись, обнажая белки глаз, налитые кровью. Он смотрел на меня с такой уничтожающей, всепоглощающей интенсивностью, что по спине пробежал ледяной, липкий холодок.

Маятник надавил, тяжело лёг на солнечное сплетение, выбивая воздух из лёгких. Я чувствовал жар, разливающийся внизу живота, но разум тонул в ледяном, парализующем страхе. Нет. Только не это. Только не с Го Ёханом.

Он снова будет мучить меня, когда захочет, играть со мной, как кошка с мышью. Мой разум завыл сиреной, замигал красным сигналом тревоги. Я проглотил холодок, поднимающийся по затылку, и заставил голос звучать ровно, спокойно, безразлично.

— Если мы вообще не будем ссориться и оставим всё как есть... ну, как одноклассники, которые говорят друг другу только «доброе утро» и «пока»... разве это не было бы... проще? Для нас обоих?

Го Ёхан смотрел на меня, не разжимая кулака. Всё ещё сверля взглядом, от которого хотелось провалиться сквозь землю. Я не выдержал, опустил глаза и уставился на белоснежную, стерильную простыню, сжимая её пальцами.

Между нами повисло молчание. Тяжёлое, гнетущее, бесконечное. Казалось, прошли минуты, может, час, может, вечность. Как вдруг Го Ёхан резко, пружинисто встал на ноги.

— Я ухожу.

Это всё, что он сказал.

Не успев даже осознать, я рефлекторно дёрнул рукой, словно пытаюсь остановить его, остановить этот уход, эту потерю, - но тут же отдёрнул, прижал к груди.

— ...Ага. Иди.

Я не остановил его. Поднявшись, Го Ёхан на мгновение замешкался, застыл, уставившись невидящим взглядом на дверь. А потом, словно спасаясь бегством от чего-то невыносимого, выскочил из палаты, даже не обернувшись.

После этого Го Ёхан больше ни разу меня не навестил. Ни разу.

<http://bllate.org/book/12586/1591767>